

«О мертвецах, о подвигах Бовы»

ЛУБОК

*Ж. Русланъ лишается молодой своей супруги позищенной Волшебникомъ Черноморомъ въ первую ночь своего брака.
 О горе нить подружки милой.
 А ватасть воздуха онъ пустой.*

*Любили нить ваташь густой
 Нахичина безвѣстной силой.*

Иллюстрация Г. Сиверова. Май 6-й 1853 г.

Издан. А. Белякина.

Имена многих героев сказок А. С. Пушкина: Руслан, Салтан, Гвидон, Дадон навеяны лубочной литературой.

Прошло всего несколько лет с выхода в свет первой пушкинской поэмы «Руслан и Людмила» (1820 г.) и еще при жизни поэта традиционные, опробованные народным вкусом картинки: «Ерусланы Лазаревичи», «Бовы-королевичи», «Петры Золотые Ключи» потеснились и на равных приняли в свою семью «Кавказских пленников», «Братьев-разбойников», «Русланов и Людмил».

История лубков на пушкинские сюжеты началась в 1832 году с появления в металлографии Сергеевой гравированной на меди картинки «Романс» («Под вечер осенью ненастной»). Этот лубок имел назидательный подзаголовок «Следствие порочной любви». Ранее

стихотворение Пушкина, вовсе не претендующее на то, чтобы занять первостепенное место в его творчестве, стало самым любимым лубочным стихотворным текстом. Достаточно сказать, что по подсчетам такого знатока русского литературного и песенного лубка, как С. А. Клепиков, «Романс» переиздавался около 160 раз, причем при перепечатках, как правило, сохранялся весь обширный стихотворный текст!

«Романс» оказался не единственным лирическим произведением Пушкина, к которому часто обращался лубок. Еще при жизни поэта в 1833 и 1835 годах появились два издания «Талисмана» (1827). В отличие от «Романса», который анонимным вошел в избы и городские дома, лубок с «Талисманом» запечатлел имя Пушкина. Правда, в лубочной

«Руслан и Людмила». Гравюра 1853 года. Издание А. Белякина

картинке отсутствует название пушкинского стихотворения. Место «талисмана»-перстня занимает запечатанное письмо, которое турчанка протягивает служанке. Эта замена устаревает лирический пафос стихотворения, переносит внимание с призыва к искренности любовного переживания на смакование восточной роскоши. Картинка вполне удовлетворяла желанию перенестись из повседневной жизни в какие-то иные края, познакомиться с восточной экзотикой, «где море вечно плещет на пустынные скалы, ...где в гаремах, наслаждаясь, век проводит мусульман». Изображение лишь отдаленно соотносится с пушкинским текстом. «Талисман» не вошел органично в лубочный мир, не освоился в нем. Попыток сделать более традиционный вариант не было.

Следовало бы ожидать широкой популярности в лубке «Черной шали», но судьба ее сложилась парадоксально. В пушкинское время «Черная шаль» входила в репертуар ведущих театров, ею восхищались утонченные ценители прекрасного, хотя уже тогда раздавались голоса скептиков, считавших слишком мелкой тему произведения для того, чтобы поэт тратил на нее перлы стихов, а композитор — сокровища музыки. «Черная шаль» во многом благодаря театру становилась все более популярной в самых широких слоях публики. Чем большим признанием она пользовалась, тем упорнее «избранное» общество старалось объявить «Черную шаль» произведением дурного вкуса, как будто забыв, что написана она Пушкиным. К 1840-м годам за ней прочно утвердилась репутация жестокого городского романа.

Может быть, необыкновенная популярность «Черной шали» в песенниках, то, что слова ее были у всех «на слуху», и послужило причиной отсутствия интереса к ней со стороны издателей лубочных картинок. Она известна лишь в вариантах 1839 и 1884 годов, причем лист 1839 года, выпущенный М. Щуровым по оригиналу какого-то профессионального художника, лубком может считаться достаточно условно.

Из лирики Пушкина 30-х годов в лубочную литературу вошли «Гусар» (1833) и «Вовода» (1834). Эти произведения балладного характера переиздавались несколько раз на протяжении 1840—1890-х годов. Интересно, что картинка к этим произведениям представляют собой клейма, в каждом из которых помещена небольшая иллюстрация и стихотворный текст к ней. По существу, такие листы уже являются прообразом книжек с картинками. Подобным образом в XIX веке издавались, начиная с 1860-х годов, пушкинские сказки, которые, впрочем, в лубке особой популярности не имели. Лубок заимствовал из творчества поэта те сюжеты, которых ранее не имел и из других источников получить не мог. Возможно, именно поэтому была популярна поэма «Кавказский пленник» в сравнении с «Русланом и Людмилой».

Самым популярным пушкинским сюжетом в народной картинке, исключая, конечно, «Романс», стала поэма «Кавказский пленник». Лубки к ней выходили сюитами по два или даже по четыре листа. И если лирические стихи при переложении на язык лубка иногда дробились на клейма с картинками в пределах одного листа, то поэма «Кавказский пленник»

получила воплощение в целом лубочном сериале.

Если в конце XVIII и начале XIX века еще был очень велик спрос на «богатырей», на сатирические листы, уходящие корнями чуть ли не в XVII век, то в 1840-е годы на лубочном рынке растет спрос на «душещипательные произведения». Пленник и черкешенка с их буйными страстями, которые чуть ли не по написанию поэмы стали чужды самому Пушкину, а лет через десять-пятнадцать и образованному русскому читателю, подобно «Романсу» и «Черной шали», были отданы на откуп лубку.

Лубочная сюита в наивной и доходчивой форме донесла до российской глубинки каких-то двадцать с небольшим строк Пушкина, но они, благодаря именно лубку срослись с картинкой, вошли в сознание. Последняя сюита к «Пленнику» вышла в 1876 году. Постепенно романтический пленник первых сюит стал приобретать облик пехотного офицера николаевского времени. Возможно, в этом сказалося знакомство с «Кавказским пленником» Л. Н. Толстого.

При всем различии задач книжной иллюстрации и лубка хочется остановить внимание на вопросе хронологии выхода в свет иллюстраций к Пушкину и лубочных картинок на его сюжеты. При жизни Пушкина около 20 раз выходили его произведения в сопровождении гравюр и литографий. С 1837 по 1858 год на книжном рынке не появилось ни одного иллюстрированного издания Пушкина. Брешь была пробита в 1858 году, когда в издании М. О. Вольфа появилась «Сказка о рыбаке и рыбке» с десятью хромолитографиями по оригиналам П. А. Анненского.

Обращаясь к истории появления в свет народных картинок, можно сделать вывод, что все годы бездействия серьезных издателей, исклывивших Пушкина из своего оборота, именно лубки с их большими тиражами, дешевой и широчайшей популярностью сделали многие произведения Пушкина народным достоянием. Когда же книгоиздатели стали чаще обращаться к иллюстрированному Пушкину, а с каждым годом отмечалась тенденция возрастания интереса (в 60-е гг. — 16 изданий, в 70-е — 21, в 80-е — 36)², то лубок стал постепенно сдавать свои позиции. Последние тиражи большинства лубков на пушкинские сюжеты приходится на 1880—1890-е годы. Иллюстрированные издания Пушкина для народа подготавливались профессиональными художниками, выполнялись в больших и хорошо оборудованных типографиях, снабжались необходимыми историко-литературными ссылками. Особенно возросло количество таких изданий в юбилейные 1887 и 1899 годы. Однако эти юбилейные листы, выдержанные в реалистическом духе, отличаются выхолащиванием и псевдонародностью; они противостоят живому пушкинскому слову.

Е. Зименко, искусствовед

¹ Подробные сведения об изданиях, вариантах и тиражах приведены в книге С. А. Клепикова «А. С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке». М., 1949.

² По библиографическому каталогу «Пушкин в иллюстрациях», составленному в Государственном музее А. С. Пушкина.